В. Гранде. Сага о скульпторе Гуммеле

*В*СТУПЛЕНИЕ

О сверстнике, бывшем жителе Кавказа, с которым впервые встретился в 1948 году в Караганде, делил с ним уготованную нам судьбу трудармейцев: ему – в угольной Караганде, мне – в Заполярной Воркуте. О нём я бы и хотел поведать в рассказе, который назвал «Сага о скульпторе Юрии Гуммель», хотя его наречёные родителями немецкое имя и фамилия – Günter Hummel. Однако, прежде чем приступить к повествованию, предпошлю несколько стихотворных строк, сопроводив их (для вящей убедительности) цветными этикетками почтовых конвертов минувшего, но всё же нашего времени, ибо о многом добром и доблестном могут рассказать рисунки

Дрейфующая станция «Северный полюс-1»
Участники экспедиции – И.Д.Папанин,
Э.Т.Кренкель, Е.К.Фёдоров, П.П.Ширшов

www.ourbaku.com

художников-графиков в годы мирной жизни и созидательного труда как многонационального народа России, так и народов пятнадцати республик, входивших в состав Союза Советских социалистических республик (СССР).

РОССИЯ, ОНИ ОДУРЕЛИ *...

Ликует народ Страны Советов:
Даёшь зелёный культпросветам!
Долой войну! Даёшь декреты!..
При свете дня – щедрого солнца,
Перекуёт мечи на орала ...
Не нам – буржуям жить на донце!..
Освоит Арктику, затем Антарктику,
И только в дудку одну – в агиттактику.
Знамёна – выше! Колонны – шире!**
Даёшь Советы во всём мире!
Твёрже шаг! Чётче в марше!..
Равнение – на старших!..
Прощай, Украина!!
Прости – Отчий дом.
И жизнь во всём пойдёт кувырком.
Но опомнится аж – за Уралом ...
Так, кто ты, Русь, – если не дурдом?

Здесь и далее стихи автора – **Виктора Гранде*

***Знамёна выше! Колонны шире! Даёшь Советы во всём мире! Даёшь связь с Берлином! Долой водку! Долой пиво! Мы дети коммунаров! Мы дети Октября! За работу берись живо! Пьяными ногами не дойдёшь до социализма! – всего лишь часть лозунгов времён гражданской войны, воспроизведённые в книге «История Отечества в доку-ментах», часть первая, 1917 – 1920г.г. Москва «ИЛБИ, 1994г..*

САГА О СКУЛЬПТОРЕ ГУММЕЛЕ

Es ist in unserer kalten Welt
oft so einfach, Wärme zu verbreiten
Rainer Haak

«... Лица спецконтингента не могут учиться в учреждениях культуры ...»

Такие холодящие душу ответы из художественных училищ городов Пензы и Алма-Аты в 1947г. получил юноша Гуммель на свои заявления с просьбой допустить его к вступительным экзаменам. Но – тщетно.

Сегодня Гюнтер Гуммель (Günter Hummel) – маститый скульптор, общепризнанный в России, Казахстане, Европе – участник более 100 художественных выставок в Алма-Ате, Караганде, Москве, Баку, Праге, Германии ...
Его лучшие работы – Николло Паганини, Гейнрих Фогелер, Артур Шопенгауер, Вольфганг фон Гете, Лев Толстой, Людвиг ван Бетховен, Константин Станиславский и мно-гие другие – хранятся в Третьяковской галерее Москвы, в Алма-Ате, Караганде, Душанбе, Берлине, Бонне, музее имени Гейнриха Фогелера в городке Ворпсведе установлены на площадях городов Бад Кроцингер (Германия), Creoux Les Bains (Франция).

Гюнтер Гуммель родился 8 мая 1927 года в селе Еленендорф (Helenendorf, Азербайджан) в многосторонне образованной интеллигентной семье.
Отец, Вильгельм Гуммель (Wilhelm Hummel), по образованию учитель, вёл в школе села Еленендорф уроки

www.ourbaku.com

математики, географии, немецкого языка и литературы, был её директором и заведующим учебной частью; хорошо играл на фортепьяно, органе, клавесине, вёл большую общественную работу.
По его инициативе в селе Helenendorf были открыты детский садик (в те годы впервые) и музыкальная школа.

Мать, Эльза Гуммель (Elsa Hummel), урожденная Цайзель (Zaiser), не получив специального образования, любила географию и обладала обширными познаниями в ее области.
Её трудолюбие и всесторонняя развитость дополняли музыкальность мужа.
Обладая хорошо поставленным природным голосом, была неизменной участницей сельской художественной самодеятельности.

Осенью 1943 г. её мобилизуют в трудовую армию, увезут на Алапаевские асбестовые рудники и только через четыре года, вместе с 13-летним сыном Эрихом, переберется она в Караганду – в тот же запроволочный лагерь, где работала ламповщицей, венитиляторщицей и на других общих работах шахты № 55 / 57.

Так распалась большая семья, связанная многолетними узами семейной любви и прочной взаимной дружбы.

Азербайджан. Еленендорф. В детском саду
На фото (слева направо): Альфред Гуммель, Эрих Гуммель, Якоб Гуммель, Гюнтер Гуммель.
В цетре снимка – соученик по музыкальной школе Ярослав Александров. Годы спустя он станет известным скрипачом в оркестре Давида Ойстраха; играл в знаменитом квинтете имени Бородина, гастролировал по всему миру.
В правом углу Вильгельм Гуммель .

Брат отца, Якоб (Jakob) Гуммель, учитель физики и химии, вёл обширную научную работу по археологии края. Под его началом был открыт краеведческий музей в городе Ханлар (бывшее село Еленендорф).
Перечень его научных работ занесён в Большую Советскую Энциклопедию, а сами труды хранятся в Русском историческом музее Москвы.

В. Гранде. Сага о скульпторе Гуммеле

Когда в доме семьи Гуммелей собирались многочисленные родственники, то, как правило, устраивались домашние концерты.
Дедушка Иоганнес Гуммель (дед по отцовской линии) играл на скрипке, отец аккомпанировал на фортепьяно, а сёстры –Эльза и Алина – пели.

«Мой отец, – вспоминает Гюнтер, – был для меня не только отцом, но и другом. Ему я обязан очень многим: это – и воспитание трудолюбия, и приобщение к изобразительному искусству и к музыке. Когда отец с матерью отправлялись в евангелическую церковь, они брали и меня с собой, где я мог слушать игру отца на органе.
Но с приходом новой власти в ней оборудовали спортивный зал, и наши совместные посещения церкви автоматически отпали.
Вместе с отцом я участвовал во многих экскурсиях, посещал музыкальные концерты и всевозможные выставки изобразительного и прикладного искусства.
Ещё в дошкольные годы отец часто брал меня с собой в школу на уроки географии в 5 – 7 классах и предлагал нарисовать цветными мелками что-либо по теме урока.
Ученики восторгались рисунками, а я, стесняясь их взглядов, отворачивался. Тогда мне было 5 лет».

www.ourbaku.com

КРАТКАЯ ХРОНИКА ОБ ОТЦЕ

Вильгельм Гуммель (37) с женой Эльзой (32)
(фото 30-х годов XX века)

«... **Гуммель Вильгельм Иоганнесович ПР-30751**.
Родился в 1895 г. в селе Еленендорф. Гражданин СССР. Брат – Гуммель Якоб Иоганнесович. Жена – Эльза Альбертовна, 1900 г. р., в 1959 г. проживала в Караганде, ул. Гаражная 70. Сыновья: Гюнтер 1927 г.р. и Эрих, 1934 г.р. Жил в Еленендорфе. С 1917 года до ареста работал учителем в Еленендорфской школе, а также занимал должность директора и заведующего учебной частью школы.
Арестован органами НКВД в 1938 г. и Постановлением Тройки от 9 октября 1938 г. приговорён к расстрелу.
Приговор приведён в исполнение 10 октября 1938 года.
В 1957 году посмертно реабилитирован ...» – констатирует в своей книге «Политический террор и судьбы азербайджанских немцев» историк-исследователь и социолог Джафарли Мамед Шамсаддин оглы.

И далее: «Арестованный местными органами НКВД в 1938 году учитель Еленендорфской школы Вильгельм Иоганнесович Гуммель был расстрелян 10 октября 1938 года.»

Вильгельм Гуммель в роковом октябре 1938 года

Его сыновья Гюнтер и Эрих искали своего отца:
”Наш отец Гуммель Вильгельм, 1895 года рождения, был арестован 10 марта 1938 года в Ханларе (Еленендорфе), где работал учителем средней школы. С тех пор никаких сведений не имеем. Лишь в Баку нам было сообщено, что он попал в дальний этап на 15 лет без права на переписку. Сегодня прошло 18 лет со дня его ареста и мы надеемся, что в конце концов нам удасться увидеть престарелого отца или узнать о его судьбе...
Братья Гуммель.
Наш почтовый адрес: г.Караганда, Большая Михайловка, ул. Горноспасательная, 14. 10.04.1956г»

Связь с родными прекращалась в день ареста. Во время следствия, когда арестованные ещё находились в следственных изоляторах Еленендорфа и Гянджи, они пытались хоть каким-то путём поддерживать связь с родными, но тщетно: записки арестованных перехватывались надзирателями и вручались следователям, которые в свой черёд приобщали их (в лучшем случае) к протоколу следствия или уничтожались так же, как и сами подследственные ...

«... Те годы вспомни, друг и брат,
И расскажи своим потомкам ...
Кто в жизнь верил и был свят –
И пред Богом и ребёнком,
Кто не был бремени созвучен,
Был расстрелян иль замучен.
Кто так ещё , в какой стране,
Законность бдил, людей права?
– в Конституции какой и где, –
Писались бы сродни слова,
А свирепствовал расстрел везде?

В каких словах излить всю боль,
В каких молитвах излечь все раны,
Что привнесла безбожная голь
В континенты все и страны?»*

Живя в постоянном страхе быть униженными, верили – и в красную звезду, и в серп и молот, и в кожаных тужурках народным комиссарам – защитникам правосудия ... Верили. Но иметь таких защитников – не надо и врагов.

Фрагмент из поэмы* ***В. Гранде* «Строки скорби»

И только через многие десятилетия, постепенно познавая мир, созреем, спохватимся (хотя и поздно), но разуверимся как de jure, так и de facto, и утвердим комиссарам свой вердикт:

Что ж пролетарские вожди ...
Кровь людскую смывают дожди,
Уносят в вечность тихие реки ...
А вашу, – "народные вожди", –
Крутую смесь грязи и крови,
– судьбы отцов, вдовьи слёзы, –
Не смоет и бездна рек вовеки.

Гюнтер вспоминает:
«С арестом отца моё детство на этом кончилось. Это был страшный удар судьбы.
Увлекаться рисованием (по рассказам мамы) я начал с трёх лет. Как-то на очередном дне рождения, на котором присутствовали наши близкие родственники, дедушка Альберт Цайзер (Albert Zaiser), осведомленный о моём увлечении рисовать, посадил меня на колени, дал бумагу, цветные карандаши и предложил что-нибудь нарисовать. Не долго раздумывая, я нарисовал цветного петуха, за что и был награждён похвалой старших. С того дня, можно сказать, началось моё увлечение рисованием. И сколько себя помню, всегда только и делал что рисовал.

Когда отца арестовали, меня хотел усыновить его друг Василий Григорьевич Клепиков – профессор Бакинского художественного училища, но мама не согласилась.

Семейный быт тех далёких лет в селе Elenendorf.
Девушки на летней кухне пекут праздничные пироги

Мой учитель музыки, Герасим Иванович Гаспарян, оценивая мои успехи игры на скрипке, предсказывал мне большое будущее: «Ну что такое рисование? Вот музыка, – говаривал он – это совсем другое дело!» А я, наперекор всему, хотел рисовать.
Желание совершенствовать свои умения и навыки в изобразительном искусстве явно доминировали над музыцированием.

Кончилось тем, что директор Василий Григорьевич Клепиков принял меня в Бакинскую художественную, а Герасим Иванович Гаспарян (мне было 6 лет), – в музыкальную школу, в которой я окончил 5 классов, а 4-хгодичную художественную – за два года.

Поскольку обе школы располагались в одном здании, мне разрешили два дня в неделю заниматься музыкой – игрой на скрипке.
Так, пожизненно дополняя друг друга, во мне прописались два вида искусства: рисование и музыка, – кисть и смычок».

В сентябре 1941 года семья Гуммель разделила участь многих российских немцев – это и депортация в Северный Казахстан (Акмолинск), затем и Трудовая Армия.

В селе Добровольское Акмолинской области, куда были депортированы мать и два сына семьи Гуммель, Гюнтер, как и подавляющее большинство сверстников, работает в колхозе: пашет, сеет, боронит.
Впервые знакомится с быками - колхозной тягловой силой, ивовой веткой («рулевым управлением») и командой «цоп-цобе!» – для движения быков вперёд, вправо-влево. Впервые узнал, что усталые быки останавливаются всегда сами. А вот дорогу домой, то есть в своё стойло, – будь то пурга, густой туман, град или дождь, как из ведра, быки всегда находят сами. Ходил в подпасках: пас колхозное стадо коров.
14-летний мальчуган ещё не знал, но всем нутром чувствовал: ”Der Mensch soll lernen, nur Ochsen büffeln”. Но об этом он узнает много лет спустя, когда окажется в Германии и прочтёт вышеизложеное высказывание, автором которого является немецкий писатель Эрих Кестнер.

Вместо учёбы за школьной партой, военком при станции Старый Колутон (Акмола), в обход медицинской комиссии, в ноябре 1942 года своей властью признает

www.ourbaku.com

15-летнего Гюнтера годным и призовёт его для прохождения боевой и строевой службы в рядах Красной, пардон, Трудовой Армии, дислоцировавшейся в ту пору в запроволочном лагере под названием, определившем свою суть, – Карлаг.

Поскольку прежние «призывники» (отцы и деды) привыкшие к физическому труду от зари до зари, а вместе с ними интеллигенция (мозг страны) не выдерживали запроволочный лагерный режим и «выживали», как мухи, то у власть имущих возникла острая необходимость в срочном порядке пополнить весьма поредевший в угольных забоях и на поверхности шахт крепкий тыл, то есть – боевые ряды непоколебимых защитников Отечества.
Этим пополнением крепкого тыла были пятнадцатилетние мальчишки и девчонки. Но почему никому не пришла в голову сакраментальная мысль – назвать Трудовую Армию советской (СТА)?

Место прохождения службы тоже определили - угольная шахта № 41 / 51 (посёлок Западный). Срок прохождения «службы» объявлен не был.
Присвоенная по национальному признаку специальность (за исполнительность и выслугу лет в – 15-то лет!) – шахтный лесогон.
Жильё – землянка, вмурованная предшественниками в землю, да так искусно все втиснутые, что для стороннего взгляда это был (буквально) естественный земляной бугор, снаружи заросший колючим кустарником и бурьян-травой, а внутри – густо населёнными и (на удивление) приятно пахнущими жирными клопами. От запаха сохнущих на круглосуточно топившихся буржуйках вездесущий клоп блаженствовал, ну а шахтёры... Когда к

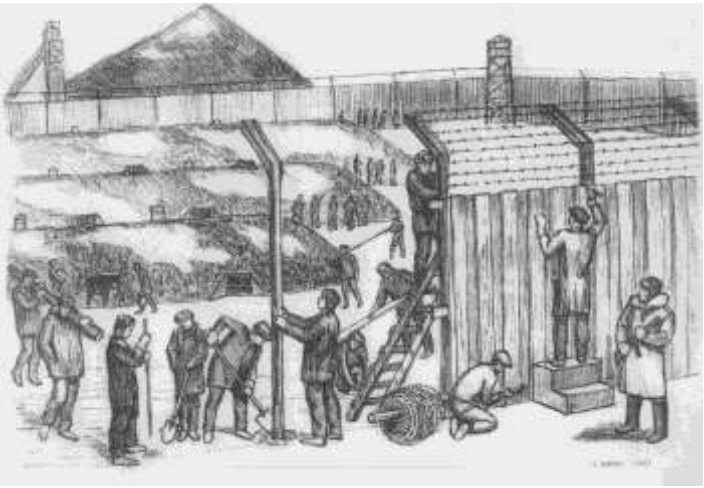
www.ourbaku.com

власти приходят «гении», собачья жизнь (конура) наступает незамедлительно у всех.
Всё это радовало глаз и благотворно действовало на "ум, честь и совесть нашей эпохи», сиречь XX века, то бишь на психологию труда забронированного от воинской повинности нового пополнения – строителей «светлого завтра» в одной отдельно взятой стране.
Вдобавок ко всему, куда и как не повернись, кругом пестрели красочно оформленные стенды, а на них, как бальзам на любую незаживающую рану, непревзойдённые (почти по Горькому) литшедевры: «Шахтёр – это звучит гордо!», «Дал слово – сдержи его!», «Взял план – выполни!», «Всё для фронта!», «Всё во имя победы над врагом!», «Кадры решают всё! (И.Сталин)»...
Ну а горьковское: «Заговори, и я скажу, кто ты» – начальство (как и подобает любому "мышиному писку" или тому же "винтику") упредительно приберегло себе и, что вполне естественно, постепенно познавая мир, обогащалось (?).
Постель – роскошные двухярусные нары, а на них матрац, набитый стружкой из леспромторг-турбазы.
Отдых? «Перекур» в забое после отпалки в ожидании рассасывания угольной пыли и газов в забое и вентиляционном штреке.

За примерную службу в рядах доблестных добытчиков коксующегося угля полагалось двухразовое питание с удивительно высококалорийной, пардон, пустой баландой, в которой единственная зернинка догоняла несуществующую другую. Ну и – дабы трудармейцы не жирели и не полнели от ежедневного безделья, а всегда были в спортивной форме, то есть в армейской выправке, и чеканили шаг при встрече с лагерным начальством, - то

и хлеба на сутки давали отнюдь не по урезанной норме, а сколь хошь! Что означало, кому как повезёт: ешь - не хочу (и то верно: порой и есть не моглось).

После 12-ти часовой изнурительной работы в забое наступали часы общественно-полезной работы, – копка ям для столбов и натягивание на них колючей проволоки. Как же, оградить, пардон, обесопасить себя от злых происков как внутренних, так и внешних недругов – всегда не лишне: тут тебе и сон глубокий, и бдительный сосед не мешает: вроде бы тоже спит. Вот только клопы ... Но ведь без них было бы и вовсе скучно.

Дабы в часы сна блюсти порядок и сохранять тишину в запроволочном укрепрайоне, новое, очень старательное, физически (разумеется, пока) более крепкое пополнение построило на всех углах запроволочной зоны наблюдательные вышки, смонтировало и установило на них мощные дальнобойные осветительные прожекторы.

Затем, как и всё пополнение (на всё готовенькое!), пришли вооружённые краснопогонники с обученными собаками, заняли на вышках и проходной свои почётные рабочие места. А те, из добрых побуждений, дабы никого не унизить или, не дай бог! кого-либо лишить жизни, знали только одно: «Стой! Стреляю ... Без предупреждений!»
Ну, а вечно полуголодные собаки (самый верный друг человека!), услышав команду «фас!» умели очень быстро и довольно-таки красиво разрывать человека на части.

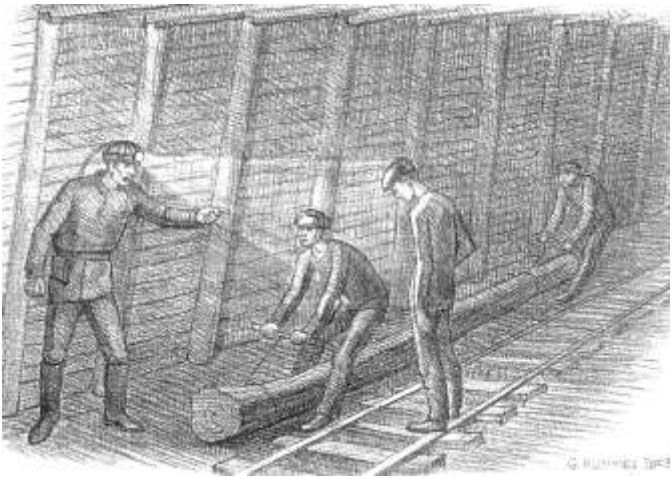
В землянке после работы

Примерная служба в рядах доблестных шахтных лесогонов позволила 15-летнему мальчугану вырасти в 20-летнего юношу.
Да к тому же, в такого стройного и привлекательного, что однажды в шахтной бане кто-то в его адрес ляпнул: «Этому доходяге осталось жить не больше недели».

И тут наш Гюнтер-лесогон посмотрел на себя в чём мать родила и обнаружил, что его бренная душа теплится всего-то на двух худосочных китах: на обесцененном, пардон, редуцированном к тому времени почти на 99,99 % (всё же в процентах измеряли), честном слове и дарованном ему самой природой скелете, обтянутом тонкой (до прозрачности) кожей.

Вдобавок ко всему, когда четверо пеллагрика, пардон, весьма стройных ребят, в числе которых был и наш исполнительный и законопослушный лесогон, физически настолько ослабшие, что уже не были в состоянии (не то что тащить по шурфу) нести по штреку деревянную крепь, которая и весит-то всего порядка двадцати килограммов, десятник посмел его жестоко избить.
Всё ... «Приехали ...».

Десятник недоволен работой юного лесогона

Что делать? Как жить дальше? – размышлял наш юный лесогон, погружённый в думы своего дальнейшего бытия. Чтобы не разучиться рисовать и обрести относительный покой от унижений, Гюнтер в свободное от работы время рисует с натуры портреты своих «однополчан».

Когда же кончался запас бумаги или, того хуже, драгоценный карандаш (в укрепрайоне и то, и другое – дефицит), Гюнтер нажигал берёзовые угли и рисовал на струганых дощечках, которые тоже не так уж свободно можно было испросить у пилорамщиков. И так длилось долгие годы ...

Карлаговский небоскрёб трудармейцев

В один из «перекуров», когда после отпалки в забое вся братва погрузилась отдыхать, Гюнтер взял кусок глины, вышел на свежий воздух и стал лепить портрет главного инженера шахты. Внимание Гюнтера к инженеру привлекла его выразительная голова и весьма заметный шрам в углу рта. Бюст, на удивление, получился выразительным и внешне был довольно-таки похож на оригинал ...

Удовлетворённый работой, Гюнтер поставил бюст сушиться на корпус вентилятора. А сам, по зову ребят («перекур» закончился), вернулся в шахту. Но, увы! – случилась непредвиденное. Когда после смены Гюнтер решил прихватить бюст с собой, его на месте не оказалось.

На следующий день в нарядной было весело. Кто-то держал в руках бюст, а ребята в один голос скандировали: «Стасюк! Стасюк!».

Наблюдавший за весёлой кампаний начальник участка, не вытерпел, подошёл, отобрал бюст и унёс в кабинет главного инженера. А тот принял бюст за карикатуру на себя, выскочил из кабинета и, бледный от злости, взвизгнул: «Кто слепил?!». Не получив ответа, вернулся в

кабинет и запер бюст в сейф. Эх, ха-ха! Какая умница! А ведь всего лишь главный инженер... шахты. Но ведь если не умеешь думать – верь.
Это была первая скульптурная работа Гюнтера. О случае же, произошедшем в нарядной, рассказывали ещё долго.

А в Акмоле остались – 9-тилетний брат Эрих с тремя (5, 6 и 7 лет) сродственниками, прикованной болезнью к постели 90-летней бабушкой и тремья её дочерьми, овдовевшими в 1937 – 38-е годы.
Их мужей расстреляли только потому, что уж очень (сами того не зная) мешали строи-тельству социализма в одной, отдельно взятой, стране под внушительным и громким названием СССР. А таких, болтающихся под ногами российских земных небожителей, было так много, что даже шкалу натуральных чисел стало зашкаливать, а потому кремлёвские мечтатели, устав от расстрелов, поразмыслили и приняли экстренные меры, хотя и с некоторым опозданием (видать, в 1944 году малость забарахлили Кремлёвские куранты).
Было решено дополнить многомиллионную армию строителей ещё не совсем созревшего социализма. А поэтому обустроенные и обихоженные землянки, со всеми оградительными устройствами зоны и властью узаконенными запроволочными прелестями, пришлось уступить новому пополнению.

На этот раз – пленным немецким и японским солдатам, а самим переселиться в другую зону, в зону шахты № 55/57 Шахтинского района той же Караганды.

www.ourbaku.com

«Экскурсия» японских и немецких пленных солдат по ознакомлению ...

... с «достопримечательностями» карагандинских лагерей и богатством недр Караганды. Надо же приучить «ленивцев» к порядку: дисциплине, аккуратности, ежедневному физическому труду и, в конце концов, – к стремительно созревающему социалистическому образу жизни, в котором быт строился по марксистско-ленинскому принципу: «От каждого по способностям, каждому по его труду»

А накануне начальник шахтёрского отряда Альберт Христианович Зонтаг, заметив удручённость своего подопечного лесогона, завязал с ним откровенную беседу (кстати, очень редкий случай для запроволочной зоны):

А.Х. Зонтаг

Царица музыки - скрипка - не единожды выручала юного лесогона в самых, казалось бы, трудных жизненных ситуациях

– Завтра из других шахт к нам приедут «купцы». Так вот, прелагаю подойти к членам комиссии шахты 20 бис, и когда тебе предложат назвать свою шахтёрскую профессию, назовись художником.
– Но ведь я лесогон, а не художник. У меня нет ...
– Делай что велят старшие. А я, как могу, постараюсь убедить членов комиссии, что это действительно так. И ещё... В тот день, когда в твой адрес была сказана язвительная реплика, я тоже был в бане, слышал и видел, кто её произнёс. Но не стал его одёргивать. Он свою непристойность посмел высказать, а ребята из его же бригады накинули в землянке на него фуфайку и устроили ему... тёмную. И, на мой взгляд, поделом. Не знаю, за это или за что-либо другое, но парень давно ведёт себя развязно.

Думаю, что подобные выпады он впредь себе больше не позволит.

Откровенно признаться, за тобой и я давненько наблюдаю и потому достаточно осведомлён о твоих трудностях.
Знаю, что у тебя выкрали хлебную и продуктовую карточки на декаду. Понимаю, тебе тяжело. И я, разумеется, не только сочувствую, но и помогу ... Разумеется, в меру моих возможностей – чем могу.
И ещё, не обессудь за вопрос: почему перестал ходить в баню?
– Так ведь все вещи, даже постель украли! Одну скрипку на голых нарах оставили. А ходить в баню, стирать в ней бельё и сушить на себе – не вижу смысла ... заболею.
– Вот и благодари судьбу, что скрипку не прихватили. Это не продуктовые карточки. В зоне не спрячешь и за зону не вынесешь, потому, думаю, и не взяли. А мыться надо, и после каждой смены! – требовательно-вежливо предложил Зоннтаг. - И ещё. Пооткровенничаю, но только с тобой.
Твой отец, Вильгельм Иоганнесович, был одним из моих любимых учителей. Он, можно сказать, сделал из меня человека. И я не оставлю тебя в беде.
На первое время, до получения новых хлебной и продуктовой карточек, я выпишу талоны на горячее питание. А там посмотрим, что делать дальше. И последнее. Наш разговор, хочу надеяться, был чисто мужским и останется только между нами.

На отзывчивых и добрых людей в запроволочной зоне Гюнтеру везло. Повезло и в этот, очередной, раз.
В день работы комиссии за столом, на котором стояла небольшая табличка «Шахта 20 бис», сидело всё её руковод-

www.ourbaku.com

ство: начальник шахты Дмитрий Иосифович Клецко, главный инженер, главный механик, шахтком и другие ...
При подходе к каждому из них надо было ответить на ряд вопросов и назвать свою профессию.
Назвать себя, по совету А.Х.Зоннтага, художником Гюнтер так и не посмел - постеснялся. Звание художника он воспринимал как что-то очень высокое и далеко ещё им незаслуженное. Поэтому на заданный вопрос о специальности, после недолгого замешательства, ответил- «лесогон».
И тут Зоннтаг, сидевший в комиссии, вставил свою реплику: «Парень стесняется. Он хорошо рисует ...».
Этого было достаточно, чтобы начальник шахты внёс его в список новых работников, разрешил пару дней отдохнуть, отмыться, отоспаться и явиться к нему в кабинет на приём.
Как всегда, послушный Гюнтер выполнил всё, что было велено. Из кабинета шефа шахты лесогон Гюнтер вышел с приказом, оформляющим его художником шахты 20 бис.
А когда узнали, что он ещё и на скрипке играет, ему предложили организовать и возглавить струнный оркестр.
С тех давних пор мастерство начинающего скульптора и царица музыки скрипка часто вытаскивают Гюнтера из разных житейских бед.

И всё же, мысль об учёбе в специальном учебном заведении не оставляет Гюнтера в покое.. В поисках возможности получить специальность художника, трудармеец Гуммель одновременно отсылает два заявления: одно в Алма-Атинское, другое – в Пензенское художественное училища живописи и ваяния. Но в ответ получает письменный ответ: «Лица спецконтингента не могут учиться в в учреждениях культуры».

www.ourbaku.com

Царица музыки – скрипка – не раз выручала юного лесогона из самых трудных положений запроволочного лагерного быта.

Гюнтер, вместо обиды и ожесточения на всех и вся, избрал иной путь, ибо было над чем глубоко задуматься - прожита самя малость, вся жизнь впереди и надо прожить её разумно и с достоинством. И здесь снова помог Его Величество господин Случай.

Со знанием дела, хорошо и ладно подобранный коллектив музыкантов дал возможность ансамблю выступать перед широкой аудиторией.
Результаты выступлений не замедлили сказаться. Не единожды ансамбль завоёвывает в области первые места и второе – в республике.

Не менее успешно продвигалась и работа по ваянию. На областной олимпиаде (1947 г.) за бюст Джамбула Джабае-

ва Гюнтер получает третью премию, а в 1950 году поступает во вновь открывшуюся профессиональную организацию «КазИЗО», позже переименованную в Карагандинские мастерские художественного фонда Казахстана, в которых Гюнтер Гуммель проработал более сорока лет.

Все эти годы в мастерских фонда он продолжает совершенствовать своё мастерство ваятеля и одновременно подрабатывает на скромную жизнь игрой на скрипке, выступая в трио с кузенами Якобом и Альфредом перед слушателями Караганды и её пригородов.

К его везению, в 1950 году из Карагандинских запроволочных лагерей освобождается крупный композитор и дирижёр Александр Владимирович Варламов, который решается создать в Караганде симфонический оркестр из музыкантов-профессионалов. На первом же прослушивании А.В.Варламов определяет Гюнтера в группу первых, Якоба – в группу вторых и Альфреда – в группу третьих скрипок.

Слаженное выступление оркестра пользовалось большим успехом у слушателей Караганды и далеко за её пределами. Но, к великому сожалению, оркестр просуществовал немногим более двух лет и распался (областное руководство не смогло изыскать необходимых денежных средств для выплаты зарплаты задействованным музыкантам, выступавшим на эстраде вне своего рабочего времени).

www.ourbaku.com

Караганда (Новый город), 1950-е годы.
Слева направо: Альфред Гуммель, Яков Гуммель, Гюнтер Гуммель (скрипки), Гарри Каст (аккордеон). Вторая справа - Валентина Гуммель

С тех пор Гуммель всецело поглощён музой творчества. Но на первом плане – всё же создание объёмных изображений человека и его внутреннего мира – скульптура.

Гюнтер вспоминает:
«В один из дней (1988-й год) мне принесли книгу «Heinrich Vogeler» – Fischer Verlag-
Портрет, напечатанный в книге показался мне знакомым. Из книги узнаю, что в 1939г. Фогелер был гостем художественной школы в Ханларе (бывшее Еленендорф), в которой я в те годы учился. И я задумал сделать его бюст.

Об этом стало известно в Москве и в городе Ворпсведе (Германия), в котором планировалось открыть выставку «100 Jahre Worpswede» («100 лет Ворпсведе»).
Меня попросили выслать фотографии, затем пригласили принять участие в выставке. По окончанию выставки Министерство культуры Союза приобрело произведение («Heinrich Vogeler. Maler», 1989).

Ныне бюст выставлен в Третьяковской галерее (Москва)
Но мне захотелось создать ещё и фигуру молодого Гейнриха Фогелера – художника-мечтателя, одного из создателей „Jugendstil“ в Германии. Сейчас эта работа хранится в музее имени Г.Фогелера (Ворпсведе).

*****

Генрих Фогелер – большой немецкий художник. Его судьба сожилась весьма трагично.
По окончании Академии художеств он, на унаследованную от отца внушительную сумму купил

www.ourbaku.com

большой участок земли с озером, лесом и несколькими крупными постройками, на базе которых организовал колонию художников.
Многие из них стали всемирно известными. Но самого Фогелера тянуло в неведомые страны – туда, где в ту пору было горячо. Вдохновлённый идеями социализма, Фогелер попадает в Москву, где развернул кипучую творческую деятельность, много и плодотворно ездил по СССР. Бывал, в частности, на Кавказе, в Карелии, Средней Азии и т.д.
В результате поездок появился замечательный цикл творческих работ.

С началом Второй мировой войны его, как и всех российских немцев, депортируют в Северный Казахстан, в село Корнеевка, где в 1942 г. от голода и физически тяжёлых работ Генрих Фогелер умирает.

Благоразумная Германия простила «блудного» сына. В городе Ворпсведе, на базе бывшей колонии, создан комплекс музеев и учреждён фонд имени Фогелера с шестью мастерскими и стипендией для студентов – будущих художников.

*****

Когда в 1958 году в Душанбе к 1100-летнему юбилею со дня рождения таджикского поэта Абульхасана Рудаки, был объявлен Всесоюзный конкурс на воссоздание облика поэта, Гуммель включается в работу и принимает в конкурсе самое активное участие. Но вот – снова беда.
Поскольку по священному писанию Корану запрещается изображать на бумаге или скульптурно ни людей, ни

www.ourbaku.com

животных, то и не было ни рисунка, ни описания современниками внешности поэта Рудаки.
А ведь надо было изобразить не только внешний облик: национальную одежду, осанку, взгляд, но и внутренний мир поэта... Всё, что оставалось сделать Гуммелю, – это прежде всего прочесть все опубликованные произведения Рудаки, и только тогда приступить к воссозданию портрета – образа поэта.
Из большого наследия Рудаки до нас дошли отрывки из переведенного им с арабского языка сборника индийских сказок «Калила и Димна» и три стихотворения
«Касыда Эмиру Сеистана», «Поэма о старости» и «Экспромт».

Из скупых строк историков-исследователей Гуммель смог узнать, что гедонист и вольнодумец Рудаки воспевал природу и радости бытия. Что его стихи отличались высоким мастерством. Что Рудаки был придворным поэтом у Саманидов (династия ханов), пользовался большой славой в арабском мире, был справедлив, никому не льстил, чем и вызвал немилость царедворцев. Из зависти и ненависти Рудаки был ими ослеплён раскалённой сковородой, изгнан из дворца и обречён на лишения.
Оставшуюся жизнь Рудаки провёл в изгнании. Но продолжал петь и читать свои газели, касыдами, рубаи народу.
В произведениях Рудаки хорошо прослеживаются «Зрячий» и «Слепой» – периоды, где он в «Зрячем» воспевает красоту природы, женщин, жизнь, а в «Слепом» – только воспринимаемый им чувственный мир.

Поскольку Гуммель сам вдоволь настрадался в Трудовой Армии и вне её, то он избирает первый период – «Зря-

чий», период вдохновенного и влюблённого в жизнь поэта.

Компетентное жюри признало работу Гуммеля лучшей. Однако эта оценка совпала с временем, когда антрополог Михаил Михайлович Герасимов, на основе извлечённного из могилы черепа Рудаки, делал реконструкцию портрета. Дело затянули - ждали результатов работы М.Герасимова. Когда же все работы были выставлены на просмотр, то все были изумлены: костяк лица и пропорции портрета работы Гуммеля были очень близки к реконструированному портрету Михаилом Михайловичем Герасимовым.
В результате работу приобрело Министерство Культуры Таджикистана для музея в Душанбе имени Бехзада.

В этом же (1958) году созрел вопрос о необходимости создания в Караганде отделения Союза художников СССР. Из Москвы, для ознакомления с творческим потенциалом

www.ourbaku.com

коллектива художников Караганды, приехала делегация Союза художников и Академии искусств, из Ленинграда – комиссия ведущих представителей изобразительного искусства ...
После обхода мастерских в члены Союза художников были приняты: Пётр Кузьмич Антоненко, Павел Степанович Андриюк, Виктор Иванович Крылов – и Гюнтер Вильгельмович Гуммель. Для сплочённого коллектива художников Караганды это был настоящий триумф!
С этого дня коллектив получил не только новый статус– Карагандинский Союз Художников, но и новый импульс.
Председателем Союза единогласно был избран Виктор Иванович Крылов.
Так началась новая, полная энергии и творческих помыслов, жизнь коллектива художников Караганды.

В этом же (1958) году был сооружён памятник Герою Второй мировой войны лётчику-штурмовику Нуркену Абдирову.
Когда рабочая модель памятника была готова (в соавторстве работал скульптор Анатолий Петрович Билык), пригласили мать летчика.
Увидев модель, она тут же сказала: «Не похож...». Трудность создания образа Нуркена Абдирова состояла в том, что скульпторы располагали всего лишь поблекшим со временем фотоснимком размером 3 х 4 см.
При повторном посещении мастерской, мать сложила руки на груди и произнесла: «На меня похож ...»
Неудовлетворённые моделью, скульпторы предложили матери попозировать несколько сеансов. Согласие тут же было получено.
В третье посещение мать воскликнула: «Ай-баяй! Это мой Нуркен! Выходите все ... Я хочу с ним разговаривать ...»

www.ourbaku.com

В. Гранде. Сага о скульпторе Гуммеле

Мать, оставленная в мастерской один на один с рабочей моделью, долго разговаривала с «сыном» и ... плакала.

К слову Об этом незабываемом факте, в те далёкие годы, по центральному телевидению «Останкино» – в Казахстане был показан короткометражный документальный фильм «Мать героя» с участием авторов скульптуры и матери героя.

На отправленное мной в марте 2002 года письмо на имя директора телебашни «Останкино» с просьбой включить в программу передач названный фильм, и сообщить о дне и времени показа фильма по указанному адресу, ответа так и не последовало.

Мать Нуркена Автор бюста (в бронзе) – Юрий (Гюнтер) Гуммель

Памятник Нуркену Абдирову в Караганде. Авторы памятника – Юрий (Гюнтер) Гуммель, Анатолий Билык, архитектор Леонид Воробьёв.

«Мог ли я, – вспоминает Гюнтер Гуммель, – предполагать о таком взлёте, если на поданные мной заявления с просьбой принять меня в Алма-Атинское или Пензенское училище живописи и ваяния, получал убийственные ответы: «...Лица спецконтингента не могут учиться в учреждениях культуры ...». Однако, официальное признание Гюнтера Гуммель членом Союза художников не покидало его желание учиться мастерству скульптора дальше – и только в специальном учебном заведении, и только под руководством кого-либо из общепризнанных скульпторов. вот Такую вожделенную счастливую возможность предоставил Его Величество господин Случай.

В 1964 году, по предложению аспиранта Ленинградской Академии искусств Бориса Ильича Мусата, Гюнтер едет в Ленинград с твёрдым намерением пройти стажировку.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЮНТЕРА ГУММЕЛЯ

Когда на приёме у ректора Ленинградской Академии искусств Александра Ивановича Одинцова я показал фотографии своих работ, он сказал:
- А чему вы ещё хотите научиться? Вы же художник, – член Союза!.. В принципе я не возражаю против вашей стажировки. Ну вот что. Покажите-ка ваши снимки декану скульптурного отделения Михаилу Ивановичу Керзину.

Тот, взяв пакет фотографий, предложил:
- Сейчас состоится заседание кафедры, на ней мы и рассмотрим ваши работы. За результатом приходите к двум часам пополудни.

Прихожу в назначенное время, а М.И.Керзин, увидев меня издали, доброжелательно произнёс:
- Ваши работы получили положительную оценку! Вам предоставляется возможность выбрать руководителя».
И после минутного раздумья добавил:
- В мастерской профессора Вениамина Борисовича Пинчука просторнее, если, разумеется, он вам понравится.

Место в общежитии было предоставлено, а сам я чувствовал себя на седьмом небе! Так я начал учиться сразу на двух курсах: утром на 3-ем (скульптура) и вечером – на 5-ом (тоже скульптура).

За время стажировки я сделал две работы – этюды с натуры высотой 1,5 метра («Гимнаст» и «Юноша с гирей»). Эти работы получили хорошую оценку, а мне вручили документ о прохождении стажировки.

Всё это превзошло все мои ожидания и надежды, о которых я и мечтать-то долгие годы не посмел!
Если мысленно вернуться в самые трудные годы моей жизни, а это грозные и очень суровые военные 1942 – 1943 годы, то мою новую жизнь можно, без преувеличения, назвать свершившимся – чудом!».

ОПИСАНИЕ НЕКОТОРЫХ РАБОТ С КОММЕНТАРИЯМИ

В станковой скульптуре Юрий Гуммель работает в основном в области портрета.

www.ourbaku.com

Герои его произедений – это известные личности («Эрнст Тельман», 1975) или люди, воплотившие в себе народные идеалы («Курмангазы», 1965).
Много внимания художник уделяет образу его современников. В качестве модели он выбирает людей незаурядных, значительных, живущих напряжённой внутренней жизнью («Шахтёр Максут Альбатыров», 1969г.,«Галия. Молодой учёный из Темир-Тау», 1974) и многих других.

Когда в 1941 году шла спешная депортация немцев на вечное поселение в Сибирь, Казахстан, Алтай, то Рудольф Керер, впоследствии большой пианист и легендарная личность, также был депортирован в Казахстан.

Рудольф Керер.
(*«Rudolf Kehrer»*)

Бронза, высота 65 см

«Родился в 1923 г., в Тбилиси. С шести лет начал учиться игре на фортепьяно. В пятнадцать – студент Тбилисской консерватории. Однако, вскоре оставляет занятия музыкой и поступает на физико-математический факультет Чимкентского учительского института,

оканчивает его и несколько лет работает учителем в школе.
Музыкальное образование защитил (1957) в Ташкентской консерватории».
Так гласит надпись на грампластинках фирмы "Мелодия" (1970-е годы).
Ныне всемирно известному пианисту Рудольфу Кереру, понадобилось в те годы, – невероятно, но факт, – шестнадцать(!) лет чтобы получить музыкальное образование.
В 1961 году на II Всесоюзном конкурсе пианистов Рудольф Керер, до этого совершенно неизвестный публике, завоёвывает первую премию.
До триумфа судьба пианиста Рудольфа Керера, увы, ничем не отличалась от сотен тысяч исковерканных судеб российских немцев.
Кровавый молох большевистских репрессий не обошёл и семью Кереров.

«В каждой моей работе, – вспоминает Г.Гуммель, – люди необычной судьбы».

«Валентин Калашников» (1988).

Со своим взводом сапёров, В.Калашников, обесточил линию электропередач и тем самым спас город Краков от разрушения. За эту доблестную операцию он был удостоен звания Героя Советского Союза. Репрессирован на 10 лет. После освобождения из лагерей реабилитирован и восстановлен в прежнем звании.

«**Аппак Байжанов**» (1990) – легендарный казахский пастушок. Охотясь на степных сурков, случайно наткнулся на чёрный камень, открыв тем самым месторождение каменного угля в Караганде.

В. Гранде. Сага о скульпторе Гуммеле

По заказу бургомистра города Бад Кроцинген из красно-чёрного гранита выполнен **фонтан «Kurlandbrunnen»,** который символизирует тему курортного края.

Скульптурная группа состоит из трёх, плотно прижатых друг к другу природных гранитных камней, символизирующих знаменитый «угол», где соединяются три страны: Германия – Швейцария – Франция.
Открытая шпура в большом камне символизирует буровую скважину, из которой бьёт вверх термальная вода. Три ступеньки, ведущие вверх, символизируют выздоровление, или путь, ведущий в Небо. Бурлящая вода внутри округлённого камня, лежащем в основании фонтана, означает термальные ванны.
Фонтан был торжественно открыт в 1995 году.

Работа **«Музы»** изваянная из кованой меди, для театра музкомедии и установлена в рекреациях во вновь построенного железнодорожного вокзала Караганды с верхним освещением, специально спроектированным

именно для этой скульптурной группы архитектором А.В.Титаревым.

Сегодня Гюнтер Гуммель вместе с Валентиной, верной спутницей, пережившей с Маэстро все взлёты и падения всемирно известного скульптора, живут на земле их далёких пращуров.

В 1998 году они отметили золотую свадьбу. Их совместно обретённое богатство – трое детей, семь внуков и пять правнуков.

В современной философии утвердился и получил право на жизнь так называемый «аргумент к обязанностям».
Его оставил нам, ныне здравствующим, немецкий философ Георг Гегель. Квинтэссенция "аргумента ..." гласит:

Обязанности человека делятся на четыре рода:

1. на обязанности перед самим собой;
2. на обязанности перед семьёй;
3. на обязанности перед государством;
4. на обязанности перед другими людьми вообще.

Поразмыслив над альбомом цветных репродукций скульптурных работ Гюнтера Гуммель, можно смело утверждать: Мастер выполнил обязанности человека сполна.

А поэтому, в память о минувшем и достигнутом, подарим влюблённой в жизнь чете Гуммель, и персонально каждому, несколько стихотворных строк – с посвящением:

Юрию и его верной спутнице Валентине

Переступив родительский порог,
Как много пройдено дорог –
Дорог больших, малых весей ...
Как много по жизни хожено.
Была и радость, пели песни ...
Всё сбывшееся, всё пройдено.
И в вечность канул след беды ...
Это, – к счастью, – наши дети!
На радость нам! – мы их деды.

*

В любви нет предела, как и в искусстве.
Художник всё ищет высот мастерства.
Но если женщина в жизни вас любит ...
И веря в успех, вдохновение будит ...
Нальём же бокалы и выпьем до дна,
Ведь наша любимая – Богом дана!

*

Присядем, друзья, минувшее вспомним,
В застолье пусть хватит нам слов –
И мыслей добрых, и чувств благородных,
Чтоб видеть и слушать нас вновь!

В. Гранде «В добрый путь, дети и внуки!»
(фрагменты из поэмы)

Одного лишь в толк я не возьму,
Втолкуйте, может, и я пойму:
Зачем в стране − «оплоту мира» −
Усатым недругом-кумиром
Построено так много лагерей,
Где наших овдовевших матерей,
Ограбленных бабуль бездомных
И наших смазливых девчонок −
Пленили также беспардонно,
Немало прошагал дорог −
Но сколько допустил ошибок.

Отшагал. Отмучился я всласть.
Упала жизни стремя планка.
О если б вовремя всё знать −
Сегодня не был бы подранком.

Немало видел горемык-котомок,
Просящих хлеба после лагерей.
Кусок последний нёс потомок,
А сам − в холоде растил детей.

Мы помним всё. Ничто не забыли.
Никто не считал народа беды.
Но кто вожди фактически были;
Люди − или века людоеды?!

Спасибо, нуди, всё прошло.
Как дым, развеялась давно
Вся бредь, что вы наобещали.
Мы даже жертвы вам прощали,
Что нам и свыше не дано.

Немало горя испытали,
Но нет обид, не помним зла.
Но как вспомнишь, а ведь зря,
Закрыв на мерзости глаза,
Всю жизнь строем прошагали.

www.ourbaku.com

Да! Мы – люди, не помним зла.
Всё было ... но ведь – вчера!
Начнём всё снова, и всё сначала,
Супротив тому, что жить мешало:
Строить Быт, чтоб всем всего хватало.

СЕГОДНЯ

Сегодня
В добротном вашем доме,
На Нижне-Саксонской земле,
Стою в земном поклоне –
Весь в думах о своей судьбе.

Я не стыжусь, что плохо знаю
Язык саксонца, его диалект.
Но тем горжсь, что привечаю
Саксонца мужества секрет.

Диалект саксонца я усвою,
Штудируя в церковных звуках.
Пример упорства удостою –
Детям и малолетним внукам.

Всегда – что знаю и как умею –
Своим птомкам стремлюсь помочь.
Оттого и сердцем не старею,
Что старость гоню с порога прочь.

www.ourbaku.com

Теперь уж больше не тружусь −
На отдыхе. Но дух мой молод!
В делах − в деды ещё гожусь.
Перо, как прежде, тот же молот.

Не желая быть постылым,
В работе нахожу досуг.
В моих руках немало силы,
И мой покой − всё тот же труд!

В ЭТОТ ЧАС, И КАК ВСЕГДА …

Болит душа и сердце ноет.
Теперь я часто чутко сплю.
Секрет отцовский всё же скрою,
С собой всю тяжесть унесу.

Вы − счастливы, я это знаю.
И дай вам Бог такими быть.
В своих стихах я вам желаю,
В борьбе за жизнь, честно жить!

И в добрый путь вас провожая,
Живу лишь думой об одном:
Счастья духовного желаю,
Детей и внуков − полный дом!

Сжимая строчки в упругий стих,
Душа не смеет в чувствах моих

Закончить точкой на миноре.
За внуков наших − всех четверых!
Я жить хочу и лишь − в мажоре.

Я верю, что жил я ненапрасно,
Вступал за ваши жизни в бой,
И верю, − докажете стократно,
Без страха, собственной судьбой.

ЗАВТРА – ЧТО ЗАВТРА?

Уходит в преданье век двацатый,
А в дверь стучится двадцать первый век.
Что внесёт нам в жизнь мирозданный, −
Скажи, в труде взращённый человек.

Разруху, голод, вновь страданья
За погибших братьев, сыновей,
Отцов и вдов, сирот за состраданье,
Зарёванных сестёр и матерей?

Нет! Жизнь, мир и созиданье,
Солдат в обнимку, идущих рядом,
Весь шар земной с цветущим садом,
В парадах мира народов братанье
Грядущий век воздаст нам в меру:
В разум человеческий я верю!

www.ourbaku.com

Доживём? − Доживём, − узнаем,
Что век грядущий нам готовит,
Куда земная ось орбиту клонит.
До первых лет − рукой пдать.
С кого за прошлое он спросит,
Кому он руку свою подаст.

Кого сзовёт, кого отринет,
Кого приголубит, приласкает ...
Я верю, гнев людской остынет
И чванство духа в нём растает.

− Доживём? Доживём, − увидим
Впервые − за одно столетье −
Как векушедший он проводит,
И как народ свой привечает.
Я верю в разум Большого Вече,
Где наш потомок сам узнает −
Кто судьбы отцов и малолетних
Вершил в кровавом двадцатом веке.

ЭПИЛОГ

Всю жизнь московские вожди
Российский народ стерегли,
Чтоб в могилах прах сгноить.
А он − на земле искал приют,
Себя и род свой сберегли.
Теперь, пусть ложь свою стерегут.

www.ourbaku.com

Уходит одно − столетье разрушений,
Необратимых лишений, гнёт страданий,
Напрасных вожделений, ложных бдений,
Грядёт другое − столетье созиданий!

1997

Ушло одно − столетье разрушений

а в дверь стучится двадцать первый век...